Это была удивительная картина.

В конце 2010 года я вернулся из Непала и отправился в Тибет, решив недельку отдохнуть у подножья Кангри-Карпо. (прим. Кангри-Карпо - один из Гималайских хребтов, расположенный к западу от Медога.)

Поиском сведений о семье Ма я занялся не сразу. В конце концов мое путешествие в Непал было утомительным. Следуя советам друзей, я сначала решил разобраться с тем, что узнал в Непале.

Оттуда я привез множество украшений, выполненных в тибетском стиле с отсылками к буддизму, и собирался использовать их в качестве образцов, чтобы выяснить истинное происхождение того, что раньше нашел в тереме семьи Чжан. Прибыв в Медог, я рассортировал их на три группы и отправил трем знакомым в Ханчжоу, чтобы не тратить время на поездку туда.

В Медоге всего два вида "почты". Этот городок — совершенно особенное место. Уже много лет тут почти не бывает туристов, потому что дорога сюда очень трудная. И обычное почтовое отделение письма принимает, но вот отправить их не может из-за отсутствия транспортного сообщения. Раньше местный староста следил за графиком перевозки почтовых отправлений и состоянием дорог через перевалы. Но в последнее время осталась лишь одна дорога, по которой мог проехать грузовик. И отправка почты осуществлялась только один раз в неделю.

Постепенно в городе и окрестностях появилось что-то вроде народной почтовой службы, организаторы которой ищут способы ускорить отправку. Обычно они обращаются к тем, кто выезжает из Медога, и просят взять с собой отправления. Некоторые даже зарабатывают немного денег, выступая в качестве добровольных посредников. Один из таких предприимчивых добровольцев и открыл вторую "почту" в Медоге. Я обратился к нему: ответственности за сохранность отправлений он не нес, но это позволяло сэкономить время. Он хорошо знал, кто и когда собирается покинуть Медог и добраться до почтового отделения за перевалом, где уже отправит посылку национальной почтовой службой.

Выехать из Медога можно на автомобиле или с караваном вьючных животных. Но автомобильные дороги открыты не весь год. Когда я приехал сюда, был как раз сезон, когда трассы для машин недоступны, и мне пришлось искать людей, которые едут в Медог на ослах.

Много посылок один "почтальон" перенести не сможет, поэтому существовали ограничения по весу. Я целых три часа пытался упаковать все так, чтобы получились три посылки с нужным небольшим весом.

Занимаясь этим, я и увидел картину, которая висела за "почтовой стойкой" — большим письменным столом, накрытым листом оргстекла.

На стене, покрашенной светло-зеленой краской, много чего висело: каллиграфический свиток "Полет птицы Пэн — десять тысяч ли", выполненный тушью, где был изображен орел и четыре крупных иероглифа; три почетных вымпела с хвалебными надписями на двух языках, какие выдают за некоторые заслуги, вроде "кристально честному гражданину" или "за обеспечение безопасности"; и, кроме этого, там была картина, написанная маслом.

С первого взгляда было ясно, что художник — не профессионал. Обычная убогая мазня, портрет человека в профиль. Судя по потускневшим цветам и трещинам на краске, висит она здесь уже очень давно.

На картине был изображен молодой человек. Я не разбираюсь в западной живописи, но считаю, что профессионализм — не всегда самое главное. Хоть художник и рисовал так себе, но у изображения была своя особая энергетика.

Не знаю, почему при взгляде на картину меня охватило странное чувство. Человек на портрете был одет в халат ламы, но снизу выглядывали традиционные тибетские одежды. Он был изображен на фоне заснеженных гор хребта Кангри-Карпо. Только снег на картине был желтоватого оттенка, не знаю, может, это попытка изобразить отсвет заходящего солнца, или же просто краски потускнели.

Замечательный образец плохой живописи и смелого цветового решения, которое сделало картину в некоторой степени концептуальной.

Впрочем, меня не волновала коммерческая или художественная ценность картины. Я был удивлен потому, что человек, изображенный на картине, был мне знаком.

Да, точно. Черты лица, выражение взгляда — никаких сомнений.

Это он.

Совершенно ничего не понимаю. У этого человека нет причин посещать Медог, и тем более позировать плохому художнику на фоне местных гор в такой одежде.

Но это был портрет Молчуна.

Это было так странно, что я сразу начал искать отговорки: зрение подвело, художник плохо нарисовал, и вообще, это же картина, а не фотография. Многие детали прорисованы плохо. Это просто случайное сходство.

Однако я не мог отвести глаз от портрета. Все-таки лицо очень похоже. И взгляд... никогда я не видел людей с похожим взглядом. Толстяк даже как-то сказал, что у нормальных людей не бывает таких глаз. Так может смотреть только тот, кто окончательно потерял связь с внешним миром и полностью погружен в себя.

И у человека на картине точно такой же отрешенный взгляд.

Не отрываясь от созерцания картины, я подсознательно убеждался, что человек на картине — именно он.

Всего пять лет назад Молчун исчез из нашей жизни. Конечно, я знаю причину его ухода и многое могу рассказать о нем. Но большая часть его прошлого мне неизвестна. Первое, что пришло в голову: он и в Медоге искал что-то? Если он бывал здесь и искал что-то, значит, Медог имел какое-то отношение к его забытому прошлому?

Я спросил хозяина почты, старика с типичными тибетскими чертами лица, кто написал эту картину. Он указал рукой куда-то в сторону и ответил на ломаном путунхуа, что художника зовут Чэнь Сюэхань.

Там, куда указывал старик, стоял мужчина средних лет и набирал из котла кипятков. Здесь, кроме почты, торговали кипятком, местные жители могли купить чайник за тридцать фэней. Сейчас на улице был сильный снегопад, а в котельной очень тепло. И многие жители окружили котел, чтобы согреться. Все они были одеты одинаково, и я не понял, на кого из них указывал

старик.

Хозяин, полный энтузиазма, заметил мое недоумение, и крикнул: "Чэнь Сюэхань!"

Этот крик разорвал тишину, и мне показалось, что сейчас от него с крыши снег сойдет. Тот, кого звали Чэнь Сюэханем, поднял голову и обернулся, глядя на нас с удивлением.

Я сразу же подошел к нему. У мужчины было смуглое лицо и загрубевшая кожа, но выглядел он моложе, чем мне показалось вначале.

Я сказал по-китайски: "Здравствуйте. Это вы написали тот портрет?"

Чэнь Сюэхань внимательно посмотрел на меня и кивнул. В его взгляде я не увидел никаких эмоций, так смотрят люди, привыкшие к мирной и спокойной жизни, которым не надо постоянно решать множество вопросов и разбираться с проблемами.

Я угостил его сигаретой и стал расспрашивать о картине. И тогда он удивился. Какое-то время он задумчиво смотрел на меня, потом закрыл кран котла и спросил: "Почему вы спрашиваете? Вы знаете его?"

Его голос был слишком хриплым, но каждое слово звучало очень четко. И я рассказал в общих чертах о том, что меня связывало с человеком на картине.

Чэнь Сюэхань удивился еще сильнее. Сняв белые полотняные перчатки, он вышел из котельной и ответил: "Вероятно, вы ошиблись. Я скопировал эту картину лет двадцать назад. Сколько вам тогда лет было? К тому же, оригинал написан еще раньше".

Я был в недоумении. Понятно, что картина не вчера нарисована, но двадцать лет назад? И я не знал, что ответить Чэнь Сюэханю, потому что мою историю в двух словах не объяснить. К счастью, ему было не до моих откровений, он сразу уточнил: "Я лично этого человека не знал".

Он указал на дверь, за которой виднелась заснеженная гора вдалеке: "Я видел оригинал картины там. Если вам интересно, вы можете спросить старшего ламу".

Взглянув в том направлении, я едва смог разглядеть очертания здания, словно окутанного серебристым сиянием сильного снегопада.

"Конечно, мне интересно. Как туда добраться?" — спросил я.

"Это ламаистский монастырь, — ответил Чэнь Сюэхань. — Там я копировал картину и пытался передать все особенности".

"Происходило ли тогда что-нибудь странное? Или, может быть, этот ламаистский храм чем-то знаменит?" Я спросил об этом, потому что знал: там, где он появляется, всегда случается что-нибудь необычное. Или же сам храм необычен, потому и привлек его внимание.

Чэнь Сюэхань покачал головой и, немного подумав, ответил: "Ничего такого. Правда, меня удивила настойчивая просьба ламы скопировать картину".

"Почему?"

"Ламам доступно видение причин и следствия. Он попросил срисовать, и я ни о чем не спрашивал. Но причины мне не понятны. Возможно, у ламы были такие причины, но я их не понимаю".

Чэнь Сюэхань рассказал мне, что этот молодой человек был гостем ламаистского храма. И его портрет написал сам старший лама за три дня до того, как гость покинул Медог. Копия была сделана намного позже. Той зимой Чэнь Сюэхань долго жил в храме и однажды увидел полотно в келье старшего ламы. Тогда-то лама и попросил сделать копию.

Только тогда я понял, почему цветное решение картины такое неожиданное, а техника плохая.

Многие ламы в Тибете весьма образованы и обладают сильным эстетическим чутьем. Некоторые даже заканчивали известные европейские университеты. Их профессиональное образование может быть отличным. Но, возвращаясь в монастыри, они в первую очередь уделяют время подвижничеству, стремясь очистить сердце и разум, строго соблюдая аскетический образ жизни. Времени на улучшение профессиональных навыков у них не остается.

Я задумался об этом и о том, что могло произойти в то время в ламаистском храме на заснеженной горе, и немного отвлекся от разговора.

"Хотите отправиться туда? Триста юаней, и я провожу вас, — предложил Чэнь Сюэхань. — Вы не местный, и вам без меня в храм не попасть".

Хм... возможно, видя скрытые причинно-следственные связи, старший лама попросил Чэнь Сюэханя сделать копию картины, чтобы тот в будущем смог заработать триста юаней.

<http://tl.rulate.ru/book/89763/2919990>